

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ТАКТИКИ «ЮМОР» В РАССКАЗАХ О ТЕАТРЕ

***Аннотация.** В публикации выявляются особенности репрезентации тактики «юмор» в рассказах, байках и анекдотах о театральной жизни. Сопоставляются модели поведения представителей русской, американской и белорусской (русскоязычной) лингвокультур, определяются универсальные и культурно-специфичные способы создания комического эффекта при описании театрального события и его участников. Основные различия связаны с не столько с самой типологией комических ситуаций, над которыми традиционно шутят в театральной среде, сколько в их количественном соотношении в рассказах представителей трех лингвокультур.*

***Ключевые слова:** лингвокультура, театральная субкультура, театральные истории, юмористический дискурс, тактика «юмор».*

T. A. Sysoyeva
Minsk

LINGUISTIC REPRESENTATION OF HUMOUR TACTIC IN THEATRICAL STORIES

***Abstract.** The paper considers peculiarities of humour as a tactic represented in theatrical stories, tales and anecdotes. Three linguocultures are being compared – Russian, American and Belarusian (Russian-speaking). Universal and culture-specific ways of creating humorous effect when describing a theatrical event and its participants are identified. It is demonstrated that major differences are associated with comic situations prevalent in each theatrical linguoculture.*

***Key words:** linguoculture, theatrical subculture, theatrical stories, humorous discourse, humour tactic.*

Тактика «юмор» воплощается в самых разных типах текста. «Смеховое отношение к объекту можно обнаружить в газетных статьях, публицистике, даже вполне серьезные лирические произведения могут включать в себя отрывки, написанные в юмористическом ключе» [3, с. 219]. Сказанное позволяет объяснить популярность курьезных историй, связанных с театральной сферой, поскольку юмор – «неотъемлемая составляющая творческого процесса в театре» [1, с. 106].

В настоящем исследовании рассмотрим анекдоты, байки и юмористические рассказы, объединенные темой «театр». Материалом анализа послужили англоязычные сообщения, отправителями которых являются представители американской культуры, а также русскоязычные истории, рассказанные представителями русской и белорусской культур.

Если героями театральных анекдотов, как правило, выступают стереотипные, типизированные по какому-либо признаку персонажи, то актерская (или театральная) байка чаще всего основана на реальных событиях. Однако эти два жанра очень близки: «Как и анекдот, байка является юмористической историей, рассказываемой в уместной ситуации с целью рассмешить слушателей» [там же, с. 105]. Жанр юмористического рассказа также может рассматриваться в качестве «ближайшего родственника» жанров анекдота и байки ввиду своего небольшого объема, ограниченного количества действующих лиц и наличия единственной сюжетной линии.

И все же фокусом нашего внимания является не столько сопоставление разных жанров юмористического дискурса, сколько сравнение моделей поведения представителей трех лингвокультур. Гетерогенизация общества и культуры – одна из наиболее актуальных научных проблем на современном этапе, и с этой точки зрения интерес представляет т.н. «субкультурный фольклор», который ассоциируется с разными социальными группами – возрастными, профессиональными, маргинальными и др. [2, с. 45]. Совершенно очевидно, аналогичным образом можно выделить театральную субкультуру, проследив специфику ее воплощения в разных этнокультурных и/или языковых сообществах.

Анализируемые тексты посвящены описанию театрального события, такого как спектакль (*балет, новогодний утренник; musical revue, matinee*) или репетиция (*rehearsal, read-through*). Участниками обсуждаемых мероприятий выступают сотрудники театра (представители творческих профессий и технический персонал), а также зрители. В основе всех историй лежит та или иная комическая ситуация, связанная с эффектом непредсказуемости, причем неожиданными могут быть как слова, так и поступки участников событий.

В русской театральной лингвокультуре принято шутить над актером, который во время выступления забыл или перепутал текст, или зрителем, который вслух прокомментировал происходящее во время спектакля, тем самым рассмешив остальную публику. Во втором случае героем истории часто становится ребенок: *Мама, а где же лебеди? – Да вот же, сыночка, на сцене! – Мама, это же страусы!* Подшучивают и над начинающими актерами, которые из-за волнения допускают промахи во время дебютного выступления: *После спектакля известный актер вызывает его к себе в гримерную, еле живой молодой предстает пред очами мэтра и слышит: «Батенька, ну что ж вы так? Это еще ничего было, когда вы вошли в окно, но когда вы вышли в камин...».* Причиной зрительского смеха во время представления может стать любая нештатная ситуация, когда актеры вынуж-

дены импровизировать, чтобы не допустить окончательного срыва спектакля. Зачастую главным «виновником торжества» становится животное, каким-то образом оказавшееся на сцене в самое неподходящее время: *В момент бурного признания на авансцену вышел здоровенный котяра, уселся ровно посреди сцены спиной к залу и внимательно, переводя взгляд с Фрейндлих на Стржельчика, стал следить за «американцами». Зал, в свою очередь, наблюдал уже только за котом. В конце концов, это надоело Стржельчику, и он вышел из положения. «А это, – сказал он партнерше, указывая рукой на животное, – наш американский кот Васька».* Юмор также может строиться на несовпадении используемых кодов, когда участники коммуникации не знают театрального жаргона или терминологии. Вспомним известный анекдот: *Тише вы, урветюра!! – От урветюры слышу!*

Белорусская театральная лингвокультура демонстрирует сходство с русской в отношении комических ситуаций, лежащих в основе театральных историй. Здесь также находим забывчивых актеров (*И вот меня объявляют, я выхожу и с ужасом понимаю: не помню ни единого слова!*), забавные реплики из зрительного зала или нервничающих дебютантов. Опять же, может возникнуть нештатная ситуация, вынуждающая артистов импровизировать (*Через несколько минут после начала второго акта во всем Дворце профсоюзов и здании по соседству внезапно отключилось электричество. Актеры на автомате и с немалым внутренним напряжением продолжили играть... Мы попросили зрителей, сидящих в первом ряду, подсветить нам мобильными телефонами, создав таким образом «живую» рампу. И это было невероятно!*), а внезапно выскочившее на сцену животное вполне способно сорвать выступление: *«Риголетто», третий акт. Открывается занавес, по сцене бегают разъяренный Герцог, поет свою арию – все идет как положено. В это время из одной кулисы в другую медленно-медленно по авансцене шествует... кошка!*

Юмор в англоязычных театральных историях, с одной стороны, строится вокруг аналогичных комических ситуаций. Так, встречаются традиционные истории о животных: *The cat wanders onstage during the show, sticking its butt in the faces of actors who are crouching on the ground and generally interfering with the show. At some point, the cat decides I'm his "favorite", and he comes up to me and meows plaintively when I won't pet him.* С другой стороны, специфичными для американской театральной лингвокультуры являются истории о некорректном поведении зрителей не только во время спектакля, но и во время антракта (например, в буфете) или на кассе во время покупки билета. В последнем случае поведение покупателя может быть грубым, агрессивным (*But I don't want them [tickets]. The website didn't say anything about them being final sale! You are holding my money hostage!*) или нелогичным, непредсказуемым: *Okay, if you could just read out the sixteen-digit card number on the front of your card, please? – Would you like that number from left to right?* Популярны истории, в которых юмористический эффект связан с неверной интерпретацией партнерами вербального и невербального поведения друг друга. Так, в следующем примере непонимание было обоюдным.

C o o r d i n a t o r: Make sure you remember to bring... Wait, is that a phone I hear?

A c t o r: Um, yes, sorry, it's mine. Should I hang up?

(The coordinator thinks he's joking and laughs.)

C o o r d i n a t o r: *(Sarcastically.)* Oh, no, don't worry. Answer it; we'll wait for you.

A c t o r: Oh, all right! *(Answers his phone and starts talking.)*

Координатор проекта думает, что актер шутит, когда во время важного собрания достает мобильный телефон и спрашивает, стоит ли ему «сбросить» входящий вызов. Руководитель смеется и предлагает актеру ответить на телефонный звонок. Тот, в свою очередь, не распознает сарказм в словах координатора и действительно решает поговорить по телефону.

Сопоставив полученные результаты исследования, можно выделить как универсальные, так и культурно-специфичные способы реализации тактики «юмор» среди представителей трех театральных лингвокультур. Как видно из приведенных выше примеров, существуют «стандартные» сюжетные линии, лежащие в основе повествования. Так, популярны истории о животных, которые помешали выступлению актеров во время спектакля. В проанализированном материале встретились рассказы о собаках, диких и домашних птицах, однако истории о кошках, которые зафиксированы во всех трех выборках, можно считать традиционными.

Наиболее значимые различия выявлены не столько в самом репертуаре комических ситуаций, сколько в их количественном соотношении. Так, в русской театральной лингвокультуре преобладают рассказы о том, как актер забыл или перепутал текст, в том числе по причине чрезмерного употребления «горячительных» напитков накануне спектакля (25 % проанализированных случаев), а также о возникновении нештатных ситуаций, которые актеры, тем не менее, с успехом разрешают (23 % историй). В белорусской театральной среде чаще шутят о проблемах с реквизитом, когда актерам приходится проявлять смекалку и импровизировать, чтобы не сорвать выступление. Например, артист на сцене оказался заперт в сундуке и не смог самостоятельно выбраться, у актрисы во время спектакля отклеилась коса, реквизиторы забыли дома костюм главного исполнителя, поэтому пришлось мастерить замену из подручных средств и т.п. Подобные истории встречаются в 54 % случаев. Наконец, в американской театральной лингвокультуре чаще всего шутят над зрителями и их некорректным поведением (47 % историй), а также над ситуациями, в которых актеры или другие сотрудники театра неверно интерпретируют коммуникативное поведение друг друга (20 % примеров).

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова, М. И. Дидактический потенциал актерской байки и анекдота в обучении русскому языку как иностранному будущих актеров и режиссеров / М. И. Волкова // *Rhema. Рема.* – 2017. – № 2. – С. 103–111.

2. Лосинская, А. Ю. Формы фольклора в ролевой субкультуре / А. Ю. Лосинская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 22 (276). – Философия. Социология. Культурология. Вып. 27. – С. 45–48.
3. Морозова, А. М. Жанровая специфика юмористического дискурса / А. М. Морозова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер.: Филол. науки. – 2013. – № 1. Т. 1. – С. 216–222.

REFERENCES

1. Volkova, M. I. Didakticheskij potencial akterskoj bajki i anekdota v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu budushchih akterov i rezhisserov / M. I. Volkova // Rhema. Rema.– 2017. – № 2. – S. 103–111.
2. Losinskaya, A. Y. Formy fol'klora v rolevoj subkul'ture / A. Y. Losinskaya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 22 (276). – Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya. Vyp. 27. – S. 45–48.
3. Morozova, A. M. Zhanrovaya specifiika yumoristicheskogo diskursa / A. M. Morozova // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Ser.: Filol. nauki. – 2013. – № 1. Т. 1. – S. 216–222.